

С именем грузинского режиссера Темура ЧХЕИДЗЕ связывают новое рождение петербургского Большого Драматического театра. Сегодня без него трудно вообще представить театральную жизнь Петербурга.

— Темур Нодарович, вы всегда избегаете разговоров о событиях в Грузии. Почему?

— По простой причине. Я считаю, что каждым делом должен заниматься профессионал. А я дилетант. Рецептов у меня нет. Я знаю просто — как не надо. А вот как надо — не знаю. Чего же говорить — как не надо и как плохо? Зачем?..

Когда за нашего, уже бывшего, президента проголосовало восемьдесят с лишним процентов избирателей, я подумал: может, я чего-то не понимаю... Может, это ошибка... Ну, а если нет, то участвовать в этом я не хочу. Я отказываюсь даже бороться. Потому что — ну какая у меня гарантия, что я не ошибаюсь? Воля народа есть воля народа. Отсюда — и потеря всякого желания даже обсуждать это.

— Ну, а если бы последний год находились дома — как думаете, чем пришлось бы заняться?

— Во всяком случае, как минимум, мне пришлось бы стоять рядом с противниками Гамсахурдиа. Оружия я в руки никогда в жизни не брал, если не считать бутафорского на сцене... Но я был бы на стороне оппозиции, когда свержали Гамсахурдиа.

— А вы считаете, что правда была за ними?

— Я считаю, что правда не за диктатурой. Вот это я знаю: лютая диктатура и правда несовместимы.

— Вы можете назвать себя эмигрантом?

— Как ни странно, нет. Эмиграция — это какое-то душевное состояние. А у меня нет этого. Я не чувствую, что здесь, в Петербурге, я чужой. Может, потому что я все время в театре, в БДТ. Тут я себя чужим не считаю. Но это не моя заслуга, а тех, с кем я работаю.

— Тем не менее вы остаетесь грузинским режиссером?

— Только так.

— А не петербургским?

— В Петербурге я ставлю спектакли. Но для того, чтобы стать петербуржцем, — столько всего нужно... Я вообще о пе-

Темур ЧХЕИДЗЕ:

«ОРУЖИЕ

Я НИКОГДА В РУКИ

тербуржцах настолько высокого мнения, что себя назвать петербуржцем не могу.

— А ведь вся культура петербургская создавалась людьми, пришедшими со стороны...

— Я это помню. И буду рад, если лет через десять — двадцать кто-нибудь скажет, что был такой примкнувший к Петербургу Чхейдзе.

Понимаете, в чем дело... Вот грузин может влюбиться в русскую женщину, но от этого он не становится русским, правда? И, наоборот, русская женщина может отдать жизнь за какого-то грузина, в которого влюбилась, но от этого она не станет грузинкой. Одно дело — любовь, которая у меня возникла к Петербургу и конкретно к БДТ. А другое — всецело отрываться от своих корней... Это меня окончательно погубит. В идеале я себе представляю так оставшуюся жизнь: один спектакль там, в Грузии, один здесь, в Питере.

— Именно поэтому вы отказались от предложения коллектива БДТ стать главным режиссером?

— И поэтому тоже, но основная причина в другом. Я десять лет руководил театром и решил: в оставшиеся годы ни в коей мере не быть руководителем чего бы то ни было! Ни одного театра в жизни!

— Но у вас-то, в театре имени Марджанишвили, это не так плохо получалось.

— Те десять лет — прекрасные годы в моей жизни. Были и спады, и взлеты, были удачные сезоны и неудачные, как в любом театре. Но вообще я считаю, что десять лет — это оптимальный срок для того, чтобы руководить одним коллективом. Бывают исключения, конечно. Вот Георгий Александрович Товстоногов сколько лет руководил — честь ему и хвала... Но он, кроме того, что был великолепным режиссером, совмещал в себе еще руководителя и педагога... Я за собой не чувствую таких мощных задатков.

— Заниматься политикой тоже не будете?

— И это я вам гарантирую.

— А ведь недавно еще вы были народным депутатом Союза,

сидели на съездах... Не жалко потраченного времени?

— Нет-нет, ни в коем случае. Во-первых, я депутатом был избран от Союза театральных деятелей — то есть я специально не баллотировался, просто за меня проголосовала театральная общественность. И все это было в конце концов не напрасно. Сейчас все с радостью говорят, что империи нет, коммунистического режима нет, но ведь многое именно там, в союзном парламенте, и начиналось. Как бы порой ужасно ни выглядели эти депутатские собрания, эти съезды, там я познакомился со многими очень интересными людьми. Как я могу их забыть? Как я могу не ценить их отчаянность, смелость, ум?..

— А вот к фильму «Твой сын, земля», где вы главную роль секретаря райкома сыграли и получили за нее Ленинскую премию, как сегодня относитесь?

— Могу ответить. Никогда не забуду одну встречу с молодыми людьми, грузинами, в самолете. С обезоруживающей наивностью они меня спросили: а вам не стыдно, что вы играли в этом фильме? Конечно, первое ощущение было такое, что они меня убили этим вопросом. Но я совершенно искренне им сказал: понимаете, как это ни парадоксально, — нет! Потому что картина была о том, что пока есть эта власть, надо сделать все, чтобы во главе были порядочные, нравственные люди. Иначе — не только система погубит людей, но и безнравственность.

— А в принципе политика и нравственность, на ваш взгляд, совместимы?

— Очень хочется надеяться...

— В вашем спектакле «Коварство и любовь» ответ на этот вопрос, мне кажется, четко отрицательный...

— Может быть. Но там я прежде всего хотел сказать вот что: давайте не забывать о той любви, о которой мы в детстве мечтали. Только и всего. Это я вам искренне говорю — я об этом делал спектакль.

— Вы в спектаклях своих, насколько я помню, всегда от злободневного, суетного были далеки. И выигрывали. А вот в «Салемских колдуньях» Миллера публицистическое явно берет верх над художественным...

НЕ БРАЛ

Почему молчит грузинская интеллигенция!
Где она! Почему не слышно ее голоса, когда в Грузии и Абхазии льется кровь!

Какова ее позиция в трагических конфликтах, сотрясающих республику!

— Если многое совпадает с жизнью, то в этом только жизнь повинна, а не мое стремление к злободневности. Жизнь так идет. И куда от этого убежишь, и зачем?..

Но когда меня обвиняют в том, что Дэнфорт в исполнении Басилашвили такой, потому что я в нем видел Гамсахурдиа, — это меня с ума сводит! Это значит, что человек, который это говорит, не знает ни Гамсахурдиа, ни Дэнфорты! Тогда Лавров в роли Президента — кто он? Сталин, Горбачев? Зачем так, за идиота зрителя принимаем, что ли? Зачем ему так прямо намекать? А если многое совпадает — это было всегда и всегда будет.

— Вы по этой причине поменяли название спектакля — с «Охоты на ведьм» на «Салемские колдуньи»?

— Да, наверное. Потому что после августовского путча Горбачев первый сказал: я очень боюсь, что сейчас начнется «охота на ведьм». И потом все стали говорить: вот, нельзя, чтобы началась охота на ведьм. И я подумал, если сейчас еще выйдет спектакль «Охота на ведьм»... Пришлось убрать.

— Вы против злободневности на сцене в принципе?

— Я считаю, что спектакли-однодневки никому не нужны. В театре обязательно должны быть людские страдания. Сопереживать можно человеческой судьбе — я за этим иду в театр.

— Жизнь, которой мы живем, ее условия — все это не отбивает у вас охоту заниматься творчеством?..

— Даже наоборот. Я счастлив тем, что я только творчеством здесь занимаюсь. Хотя чего греха таить — очень скучаю... Понимаете, вот я сейчас не репетирую — и постепенно и методично начинаю сходить с ума...

— Оттого, что не репетируете?

— Оттого, что хочется домой... Это кошмар.

— Если встанет вопрос о гражданстве, как поступите?

— Не знаю... Если не разрешат иметь двойное, то, конечно, выберу грузинское. Ну, а как иначе? У меня там жена, три дочери, внучка...